

© 2024. Н. С. Афанасьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия

Казахстанский филиал Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова г. Астана, Казахстан

Зоил против Рифмокрада: о литературных отношениях

И. А. Крылова и Я. Б. Княжнина

Аннотация: В статье рассматриваются «литературное поведение» И. А. Крылова по отношению к известному драматургу Я. Б. Княжнину и образ бездарного плагиатора Рифмокрада в комедии «Проказники» (1788). Этот персонаж, удивительно точно напоминавший Княжнина, позднее появляется у Крылова в «Почте духов» (1789), а потом и в журнале «Зритель», который издавался уже после смерти Княжнина. С одной стороны, отношение Крылова к Княжнину напрямую связано с противостоянием двух литературных кругов, возникших внутри сумароковской школы, — Княжнина и Н. П. Николева. В качестве образца для своих «Проказников» Крылов выбирает комедию Николева «Самолюбивый стихотворец» (1775). С другой стороны, литературный выпад против Княжнина Крылов предпринимает и в своих журналах, продолжающих традицию моралистических журналов в духе Н. И. Новикова.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., И. А. Крылов, Я. Б. Княжнин, Н. П. Николев, литературная полемика, сатирическая комедия, моралистический журнал.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Афанасьева, соискатель, филологический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия; преподаватель кафедры филологии, Казахстанский филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, ул. Кажымукана, д. 11, 101010 г. Астана, Казахстан, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2838-5149>
E-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.08.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.09.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Для цитирования: Афанасьева Н. С. Зоил против Рифмокрада: о литературных отношениях И. А. Крылова и Я. Б. Княжнина // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 22–37. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-22-37>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 22–37. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 22–37. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. **Natalya S. Afanasyeva**

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University
Astana, Kazakhstan

Zoilus Versus Rifmokrat: About Literary Relations Between I. A. Krylov and Ya. B. Knyazhnin

Abstract: The article examines the “literary behavior” of I. A. Krylov in relation to the famous playwright Ya. B. Knyazhnin and the image of a mediocre plagiarist Rifmokrat (Rhyme Thief) in the comedy “Pranksters” (1788). This character, who surprisingly closely resembled Knyazhnin, later appeared in Krylov’s “Mail of Spirits” (1789) and then in the “Spectator” journal, which was published after Knyazhnin’s death. On the one hand, Krylov’s attitude towards Knyazhnin directly reflects the confrontation between two literary circles that arose within the Sumarokov school, i. e., between Knyazhnin and Nikolev. It is not by chance that Krylov chooses Nikolev’s comedy “The Proud Poet” (1775) as a model for his “Pranksters.” On the other hand, Krylov also makes a literary attack against Knyazhnin in his journals, which continue the tradition of moralistic journals in the spirit of N. I. Novikov.

Keywords: Russian literature of the 18th century, I. A. Krylov, Ya. B. Knyazhnin, N. P. Nikolev, literary argument, satirical comedy, moralistic journal.

Information about the author: Natalya S. Afanasyeva, PhD Applicant, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia; Lecturer, Faculty of Philology, Kazakhstan Branch of Moscow State University, Kazhymukan St., 11, 010010 Astana, Kazakhstan, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2838-5149>

E-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

Received: August 11, 2024

Approved after reviewing: September 29, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Afanasyeva, N. S. “Zoilus Versus Rifmokrat: About Literary Relations Between I. A. Krylov and Ya. B. Knyazhnin.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 22–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-22-37>

Начало творческого пути будущего знаменитого баснописца И. А. Крылова было ознаменовано интересным эпизодом: в своих первых комедиях, созданных в 1780-е гг., а затем и в своем сатирическом журнале «Почта духов» и отдельных публикациях в журнале «Зритель» он объектом для критики и осмеяния выбирает крупнейшего драматурга того времени — Я. Б. Княжнина. Литературные отношения Крылова и Княжнина неоднократно рассматривались в контексте изучения творчества каждого из писателей, но никогда не становились объектом отдельного изучения. В XIX в. среди критиков и исследователей русской литературы преобладала такая точка зрения, что между писателями произошел серьезный конфликт, ставший поводом для создания Крыловым обличительных текстов. Однако на данный момент актуально изучение этого вопроса в контексте приемов ведения литературной полемики в России во второй половине XVIII в. В частности, речь идет о жанре русской классицистической комедии, создававшей «сатиру на лицо», а также о принципах обличения литературных соперников в моралистических журналах.

Знакомство Крылова с Княжнинным произошло, вероятнее всего, в Петербурге, куда тринадцатилетний Крылов переехал из Твери в 1782 г. По свидетельству С. Н. Глинки, юный Крылов даже на какое-то время поселился в доме Княжнинных. «Княжнин дал приют в своем доме и первый открыл ему поприще тогдашней словесности, но он об этом никогда не говорил. Ознакомясь с Петербургом, Крылов оставил Княжнина и шутивным пером, в комедии своей “Таратор”¹, описал в смешном виде домашний быт своего хозяина» [Глинка: 87]. Принято считать, что исходной точкой конфликта стала написанная Крыловым комедия «Проказники» (1788), высмеивающая семью бездарного драматурга Рифмокрада и его ветреной супруги Тараторы,

¹ Имеется в виду комедия И. А. Крылова «Проказники»

в образах которых современниками угадывались черты семьи Княжниных. Комедия «Проказники», так же как и более ранняя комедия «Сочинитель в прихожей» (1786), демонстрирует порочность писателей при дворе Екатерины II. Крылов делает созвучными даже имена главных героев двух комедий, Рифмохват и Рифмокрад, обнаруживая тем самым их типичность для описываемой литературной эпохи. Страстью к писательству охвачен не только Рифмохват, но и граф Дубовой, которому в том числе и адресованы похвальные стихи Рифмохвата. Показательно описание графа, данное его слугой Андреем, где граф Дубовой назван «превеликим охотником до стихотворства и притом *проказником* великим», а также он обличается в стремлении заимствовать чужие тексты: «...выбирает из многих книг, что ему полюбитя, и у него из того выходит всегда добрая книга...» (курсив мой — Н. А.) [Крылов 2001: 143].

Тем же занят и Рифмокрад в комедии «Проказники», который выдает переделанные французские трагедии за собственные сочинения: «...у него ничего собственного нет, а все краденое. <...> он обокрал Вольтера, Расина, Кребильона, Метастазя, Мольера, Реньярда...» [Крылов 2001: 182]. Такое описание Рифмокрада очень точно соотносится с описанием самого Княжнина его современниками и более поздними авторами. К примеру, о большом количестве заимствований в творчестве Княжнина пишет митрополит Евгений Болховитинов: «...критики винили и винят его в том, что он много заимствовал, и даже почти переводил из иностранных трагиков, как то, из Метастазя, Расина, Корнеля, Вольтера, Мерета и других...» [Евгений (Болховитинов): 292]. Похожую характеристику Княжнину дает А. Ф. Мерзляков: «Он подражал всем французским трагикам вместе, или лучше переводил из них. <...> Почти ни один план, ни один характер, ни один монолог не принадлежит ему...» [Греч: 206]. Сходную характеристику Княжнина встречаем в статье Н. И. Бахтина, напечатанной в «Вестнике Европы» в 1824 г.: «Княжнин, зять Сумарокова и его преемник в искусстве драматическом, довел подражание иностранным авторам до несправедливого присвоения чужой собственности» [Бахтин: 105].

Текст комедии «Проказники» попадает в руки Княжнину, который, увидев в комедии личное оскорбление, способствует отказу в ее постановке. Эти сведения мы получаем из двух писем Крылова, распространенных в рукописных копиях. Первое письмо адресовано Княжнину.

Крылов в письме, как замечает В. И. Коровин, принимает «...наивную позу оскорбленного и обиженного несправедливым подозрением человека...» [Коровин: 76]. Язвительный тон письма Крылова дает ясное понимание, что созданные в комедии образы «зараженного собою парнасского шалуна» и «развращенной кокетки» направлены против семейства Княжнинных. В этом письме Крылов также упоминает, что лично не знаком с Княжнинным. Однако, несмотря на отрывочность и противоречивость свидетельств современников, большинство из них (В. Г. Анастасевич, С. Н. Глинка, Д. П. Бантыш-Каменский, П. А. Плетнев) все же указывают на «факт близости» писателей [Коровин: 29]. Вслед за написанием письма Княжнину Крылов пишет письмо П. А. Соймонову, директору императорских театров. Крылов обвиняет Соймонова в «перемене слов» и неоправданном отказе в постановке нескольких его пьес, в том числе комедий «Бешеная семья» и «Американцы», а также в отказе выплатить Крылову деньги за перевод с французского комической оперы «Инфанта Заморы». По поводу комедии «Проказники» Крылов пишет, что ранее Соймоновым было дано разрешение на ее постановку, однако в связи с негативной реакцией Княжнина, увидевшего в комедии злую сатиру на собственную семью, в постановке комедии было отказано. Крылов пишет: «...г. Княжнин вооружался против сей комедии <...> Яков Борисович мог легко ошибиться и почел по справедливости должною вступить за свою честь, который однако же я не прикасался. Но вы, милостивый государь, видели сию комедию, <...> и вы дали мне позволение ее напечатать: и так, неужели вы бы дозволили напечатать пасквиль?» [Крылов 1946: 338]. Выразив таким образом свое сильное недовольство устройством театральной среды Петербурга, Крылов на длительное время покинул театр.

Однако на этом нападки на Княжнина Крылов не прекратил. В 1789 г. будущий баснописец в течение нескольких месяцев издавал сатирический журнал «Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Несколько статей этого журнала снова отсылают к конфликту с Княжнинным (письма XII, XVI, XXX, XLIV, XLVI). Авторы этих писем, гномы Буристон и Зор, сообщают философу Маликульмульку о «приключениях, встречах и наблюдениях <...> над человеческой жизнью...» [Лебедева: 311], в частности, отмечая повреждение людских нравов.

В письме XII гном Буристон, став свидетелем несправедливого суда над бедняком, выходит на улицу и сталкивается с рассерженным человеком, который просит посмотреть его челобитную, направленную против автора сатиры. Далее приводится текст челобитной, в которой перечисляются все пороки «пиита»:

Он смел настроить дерзку лиру
И выпустить во свет сатиру,
Где он, рогатого браня,
Назвал глупцом его безбожно,
Жена ж моя твердит неложно,
Что это пасквиль на меня [Крылов 1946: 80].

Стихотворец соглашается со всеми обвинениями, но при этом требует наказать своего врага «за пасквиль». Соседство в одном письме челобитной стихотворца и сюжета о несправедливом суде позволяет сформулировать негативную оценку автора относительно нравственного облика высмеиваемого им сочинителя, в котором ясно угадывается уже известный Рифмокрад.

В письме XVI Буристон попадает в театр на постановку трагедии, из пародийного описания сюжета которой становится ясно, что речь идет о «Росславе» Княжнина. В этом же письме «театральная знатность», то есть исполнение ролей знатных персон, сопоставляется с «истинной знатностью». «Как скоро ты на театре играешь знатную роль, тогда все другие лица стараются оказывать тебе почтение; правда, что за театром оно исчезает, но не то же ли самое делается и с вельможею? Как скоро он входит в знатность, тогда всякий старается перед ним казаться униженным, <...> но лишь только сила его исчезает, тогда все приближенные снимают перед ним свои маски...» [Крылов 1945: 100]. Это напоминает вышеупомянутое письмо к Соймонову, в котором Крылов обвинял театральное руководство в лицемерии и отсутствии литературного вкуса.

Письмо XXX в «Почте духов» начинается с описания книжной лавки, в которой среди прочего находятся и «...изданные в четверку без правил краденые сочинения Рифмокрада, которыми завалены ныне все книжные лавки...» [Крылов 1946: 171]. Сочинения Рифмокрада называются «худыми переводами», также упоминается трагедия

Княжнина «Владимир и Ярополк» с замечанием, что «...эту трагедию больше делал Расин, нежели он (Рифмокрад)» [Крылов 1946: 171]. Особого внимания заслуживает персонаж, названный в письме «защитником Рифмокрада» и оказавшийся племянником сочинителя. Л. Н. Майков предполагал, что в образе племянника, защищающего дядюшку, может заключаться отсылка к сыну Княжнина — поэту и драматургу Александру Яковлевичу Княжнину (1771–1829), который стал автором панегирической посмертной биографии своего отца. Существует и другая точка зрения о вероятном прототипе «защитника Рифмокрада». М. А. Гордин считает, что в описании «малорослого и сухощавого человека» содержится отсылка к П. Ю. Львову (1770–1825). Позднее Крылов изобразит Львова в сатирических «Портретах» журнала «Зритель» (1792) в образе Миниатюркина (возможно, прозвище было дано из-за невысокого роста Львова). Львов, как полагают, имел отношение к журналу «Беседующий гражданин» (1789) М. И. Антоновского. В этом журнале была напечатана статья «Бредни праздного педанта», в которой выражалось негативное отношение к сатире вообще и в частности к «Почте духов». В ответ на это в XXX письме «Почты духов» Крылов иронически назовет журнал «Бродящим мещанином». Однако, на наш взгляд, прямая связь между «защитником Рифмокрада» и Львовым все же не установлена.

В письме XLIV вновь обличаются пороки театра, появляется намек на конфликт Крылова с Соимоновым. Здесь можно отметить и прямую отсылку к комедии «Проказники»: «...берегитесь пуще всего нападать на пороки, для того что комедия, написанная на какой-нибудь порок, почитается здесь личностью» [Крылов 1946: 251].

В письме XLVI едко высмеивается трагедия Княжнина «Владисан», которую собеседник гнома Зора рекомендует в качестве средства от бессонницы. Повторяется обвинение автора трагедии в чрезмерном заимствовании чужих текстов: «...также мне хочется доказать, что переводчик и сочинитель не есть одно; и что очень дурно переведенное сочинение назвать своим...» [Крылов 1946: 263].

В 1792 г. в журнале «Зритель» выходит статья «Покаяние сочинителя Крадуна», в которой можно увидеть новый памфлет, направленный против Княжнина. Статья вышла без подписи, но авторство Крылова считается достоверно установленным. По мнению Н. Л. Степанова, Крылов не подписал статью своим именем по причине смерти

Княжнина в 1791 г. В статье представлена исповедь автора-плагиатора, очень сильно напоминающая о Рифмокраде из «Проказников». В связи с этим текстом стоит вспомнить и трагедию Княжнина «Ольга». Сочинитель Крадун в своем покаянии признается, что в одной из своих комедий все выбрал «из “Раздраженного Вакха” или “Елески”» [Крылов 1946: 434]. За этим скрывается обвинение Княжнина в прямом воровстве текста у В. И. Майкова, а именно его перевода трагедии Вольтера «Меропа». Впервые это отметил А. П. Могилянский [Могилянский]. Трагедия «Ольга» не была опубликована Княжнинным при жизни, к тому же среди советских исследователей существовали различные точки зрения относительно времени ее написания [Габель], [Кулакова], [Могилянский]. По мнению А. П. Могилянского, Княжнин, имея серьезные финансовые затруднения, возникшие после его разжалования в солдаты в 1773 г., буквально списал трагедию у Майкова для получения за нее гонорара, но вскоре передумал и не издал трагедию. «Главной причиной неопубликования “Ольги” следует считать <...> просветление сознания Княжнина и находящееся в непосредственной связи с этим изменение его отношения к своему литературному труду» [Могилянский: 504]. Позднее Княжнин переделает «Ольгу» в другую трагедию под названием «Владисан», которая будет уже гораздо более оригинальной, но факт первоначального литературного воровства не остался незамеченным. На это и намекает Крылов в «Покаянии сочинителя Крадуна».

Почему же Крылов столь последовательно и постоянно нападал на Княжнина? Есть несколько версий относительно причин возникшего между ними конфликта. Одна из первых версий была приведена Н. И. Гречем, который представил ее в виде анекдота о том, как Екатерина Княжнина, дочь Сумарокова, оскорбила юного Ивана Крылова. По версии Греча, она посмеялась над тем, что Крылов получил свободный вход в партер театра в качестве платы за выполненные им переводы. Сходной точки зрения придерживался и Л. Н. Майков: «...люди с именем и весом, Княжнины — муж или вернее, жена — задели самолюбие маленького человека, начинающего писателя Крылова, и он не задумался отплатить им, предав их публичному осмеянию» [Майков: 40].

Более правдоподобное, на наш взгляд, и рациональное объяснение поведению Крылова дал Г. А. Гуковский, считавший, что, нападая на Княжнина, Крылов не просто отрицал художественное достоинство

его сочинений, но и видел в нем почти классового врага — «...представителя дворянской фронды, аристократической оппозиции правительству, помещичьего либерализма» [Гуковский: 151]. Как пишет Гуковский, «...против этого-то суда аристократов, против этих-то претензий на руководство литературой и жизнью страны восстал Крылов...» [Гуковский: 151]. Такая точка зрения имеет свои основания: Крылов действительно мог противопоставлять себя не только Княжнину, но и всему литературному сообществу екатерининского времени. Крылов, которому упорным трудом необходимо было добиваться признания своего дарования среди старших писателей, конечно, мог испытывать неприязнь по отношению к своим недоброжелателям, в числе которых он в первую очередь видел Княжнина, находившегося в непосредственной близости ко двору и имевшего возможность влиять на судьбы молодых авторов. То, что Крылов глядел на Княжнина именно таким образом, подтверждается и письмом Соймонову, и сатирическим изображением театральной среды в «Почте духов».

Однако стоит заметить, что комедия «Проказники» — это в первую очередь крыловский вариант русской классицистической комедии, введенной в русскую литературу А. П. Сумароковым. Сформулировав, что «свойство комедии — издевкой править нрав», Сумароков демонстрирует такую издевку в своих комедиях «Тресотиниус» и «Третейский суд», направленных против В. К. Тредиаковского. Позже и сам Сумароков становится объектом осмеяния в комедиях В. И. Лукина и Н. П. Николева. По замечанию М. О. Янковского, «...изображение противников в споре с “портретной” точностью становится закрепляющейся традицией русской комедии...» [Стихотворная комедия: 6].

Крылов, согласно предложенной Ю. В. Стенником истории периодизации жанра комедии в XVIII в., выступил во главе «группы демократически настроенных авторов» [Стенник: 31]. В качестве образца для «Проказников» Крылов использовал стихотворную комедию Николева «Самолюбивый стихотворец». В ней изображается высокомерный и самовлюбленный Надмен, который считает, что только ему позволено сочинять трагедии. В этом образе угадывались черты «отца русского театра», стремившегося наставлять молодых драматургов. А в образе молодого поэта Чеснодума, преподнесшего Надмену свою трагедию и желавшего жениться на его племяннице Милане, легко угадывается Княжнин, на которого и будет нападать Крылов в «Проказ-

никах». В действительности Сумароков благосклонно принял трагедию Княжнина «Дидона» (в отличие от Надмена в комедии Николева, пришедшего от нее в бешенство). В качестве главного порока Надмена Николев показывает его литературную заносчивость и эгоцентризм, которые читателям и зрителям того времени напоминали прежде всего о Сумарокове.

Крылов в своей комедии «Проказники» создает очень похожий образ. Главным предметом насмешек Крылова оказывается уже достаточно широко распространенное на тот момент обвинение Княжнина в копировании чужих текстов, но создавая образы «Рифмохвата», «Рифмокрада» и «сочинителя Крадуна», Крылов гиперболизирует эти обвинения ради создания комического эффекта (что и требовалось сделать автору сатирической комедии).

Стоит обратить внимание, что все обвинения Крылова так или иначе связаны с «кражей текстов» Рифмокрадом-Княжнинным. Как замечает В. И. Коровин, «...Крылов увидел в трагедиях Княжнина общественную опасность: Княжнин слишком вольно относился <...> к интеллектуальной собственности писателя и посягал на авторские права» [Коровин: 155]. В данном случае Крылов создает сатиру в духе новиковских журналов, то есть изображает не отвлеченный порок, а конкретного порочного человека. Обвинение Княжнина в чрезмерной «переимчивости» может быть связано с тем, что в ряде своих трагедий (но далеко не во всех) драматург действительно многое перенимал, не внося существенных изменений. С. И. Николаев, называя описанный Крыловым образ ворующего сочинителя Рифмокрада пристрастным и чрезмерно утрированным, тем не менее, считает, что «...“кражи” и “похищения” Княжнина, по Крылову, являются не подражаниями, а тривиальным плагиатом...» [Николаев 2004: 12]. По справедливому замечанию Б. А. Успенского (приведенному в статье Николаева) «...за литературными “похищениями” и полемической перебранкой стоит понимание литературного творчества самих участников литературного процесса» [Николаев 2004: 19].

Однако важно заметить, что комедия Николева «Самолюбивый стихотворец» была направлена не столько против Сумарокова, сколько против Княжнина, выведенного под именем Чеснодума. Николев писал свою комедию тогда, когда Сумароков уже в значительной степени утратил литературный авторитет, а кроме того, образ Надмена нельзя

назвать исключительно отрицательным, ведь Николев действительно признает значительность его литературного дарования, а высмеивает только его чрезмерную спесивость по отношению к другим авторам. Княжнин в этот период переживал сложные времена, будучи обвиненным в растрате казенных денег. Поэтому Николев, не без злой иронии, дает ему говорящее имя Чеснодум. Вслед за комедией Николев пишет эпиграмму «В уединении ко мне доходит слух...», в которой указывает на «истинных противников», а именно на Княжнинных, а затем и довольно грубую притчу «Мартышка», направленную против Екатерины, жены Княжнина и дочери Сумарокова [Гордин: 51]. Как мы помним, именно ее Н. И. Греч считал первопричиной конфликта Крылова с Княжнинным. Николев тоже имел основания относиться к ней неприязненно. По свидетельствам современников, Княжнина освистала премьерную постановку «Самолюбивого стихотворца», а также, как считается, покровительствовала созданию стихотворной сатиры «Обед Мидасов», направленной более всего против Николева (см. [Степанов]).

«Литературный поход» (термин Г. А. Гуковского) Крылова против Княжнина, весьма авторитетного тогда драматурга, был обусловлен необходимостью для молодого автора занять определенную позицию в отношении того, кто является лучшим драматургом — Николев или Княжнин. По словам Л. Н. Киселевой, «Крылов вошел в литературу с явным намерением стать знаменитым писателем: для него это был вопрос социального статуса» [Киселева: 5]. Именно поэтому ему и необходимо было определиться, на чьей он стороне — на стороне Николева или на стороне Княжнина. Но Крылов, несмотря на то, что он следовал определенным литературным традициям (а именно поэтическим принципам сумароковского театра), создал не только свой вариант «самолюбивого стихотворца», но и его обличителя, то есть другую литературную маску. Маске «самолюбивого стихотворца» у Крылова противостоит маска сурового мудреца, который впервые у Крылова появляется еще в его юношеской трагедии «Филомела» (в образе мудреца Калханта). Позднее он перевоплотится в арабского философа Маликульмулька в «Почте духов». Однако такая литературная маска напоминала не только о мудрости ее носителя, но и о его чрезмерно критическом образе мыслей. Образ сурового критика и обличителя пороков мог связываться с литературной маской Зоила, появившейся в русской литературе еще в середине XVII в.: «Зоил в первую очередь

не столько критик в нынешнем его понимании, сколько отъявленный ругатель, “гаждатель” и “хухнатель”» [Николаев 1991: 19].

Именно таким «критиком-зоилом» для Княжнина становится Крылов. Его цель — противопоставить собственный, формирующийся под влиянием Николева (а также, может быть, И. А. Дмитриевского и П. А. Плавильщикова), взгляд на литературу и, в особенности, на театр как способ воспитания общественных нравов. Такой прием восходил к идеям эпохи Просвещения и был строго противопоставлен направленности творчества Княжнина, его стремлению к большему жизнеподобию персонажей и отходу от идеалов Просвещения. Стремления Крылова в раннем периоде творчества были, скорее, противоположны. По его мнению, как замечает Д. П. Ивинский, «... в литературном сознании должно господствовать представление о нерушимости интеллектуально-эстетической традиции, восходящей к библейским текстам на уровне содержания и при этом вбирающей в себя классические формы, любые попытки дискредитации которых должны порицаться» [Ивинский: 3].

Спорным остается вопрос о том, существовал ли реальный конфликт между Крыловым и Княжниным. Имело ли место личное оскорбление? Или же Крылов в ненависти к Княжниным лишь демонстрировал свою приверженность литературному кругу Николева? На наш взгляд, причиной выбора в качестве объекта сатиры Княжнина могла стать уже существовавшая у него слава автора-плагиатора, что и делало Княжнина наиболее уязвимой фигурой для «зоила» Крылова.

К началу 1800-х гг. относится известная эпиграмма графа Д. И. Хвостова, написанная им, по словам С. П. Жихарева, «... в порыве негодования за какое-то сатирическое замечание, сделанное ему Крыловым» [И. А. Крылов в воспоминаниях современников: 190].

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диван,
Как будто неотесанный
Какой-нибудь чурбан,
Лежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

[И. А. Крылов в воспоминаниях современников: 190].

Как видно, и в 1800-х гг., уже начав свою карьеру баснописца, Крылов вольно или невольно продолжал следовать своему литературному амплу, освоенному им в период полемики с Княжниным. И спустя два десятилетия, в совершенно других условиях существования литературы, Крылов давал поводы для именования его зоилом.

Анализ «литературного поведения» молодого Крылова по отношению к Княжнину позволяет сделать вывод, что его нападки на старшего писателя не могут быть рассмотрены исключительно как проявление обиды на семейство Княжниных. В ранний период творчества Крылов в первую очередь обозначает свою позицию в вопросе выбора литературных ориентиров и авторитетов, и делает свой выбор в пользу Николева, а не Княжнина. Однако Крылов не ограничивается следованием традиционным приемам ведения полемики, а избирает собственный путь, выступая под литературной маской Зоила, насмешника, которая и в дальнейшем будет сохранять актуальность для восприятия личности Крылова в литературных кругах, а также для формирования во многом уникальной и независимой литературной позиции великого русского баснописца в XIX в.

Список литературы

Источники

Бахтин Н. И. Некоторые замечания Россиянина, живущего ныне в Париже, на Антологию г. Дюпре де Сент-Мора // Вестник Европы. 1824. Ч. 138. № 22. С. 102–113.

Глинка С. Н. Записки. СПб.: Издание редакции журнала «Русская старина», 1895. 380 с.

Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В тип. Н. Греча, 1822. 396 с.

Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России: в 2 т. М.: Унив. тип., 1845. Т. 1. 337 с.

Крылов И. А. Полн. собр. соч.: в 3 т. / под ред. Д. Бедного; (ред. текста и примеч. Н. Л. Степанова, Н. Л. Бродского, Д. Д. Благого). М.: Худож. лит., 1945–1946.

Крылов И. А. Полн. собр. драматических сочинений / сост., автор вступ. ст. и коммент. Л. Н. Киселева. СПб.: Гиперион, 2001. 672 с.

И. А. Крылов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина; ред. В. Э. Вацуро. М.: Худож. лит., 1982. 503 с.

Стихотворная комедия конца XVIII — начала XIX в. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. М. О. Янковского. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 968 с.

Исследования

Табель М. О. Литературное наследство Я. Б. Княжнина // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1933. Т. 9–10. С. 359–368.

Гордин М. А., Гордин Я. А. Театр Ивана Крылова. Л.: Искусство, 1983. 176 с.

Гуковский Г. А. Заметки о Крылове. Крылов и Княжнин // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Сб. 2. С. 142–165.

Ивинский Д. П. Иван Андреевич Крылов // *Крылов И. А.* Собр. соч.: в 3 т. М.: ДАРЪ, 2014. Т. 1. С. 3–27.

Киселева Л. Н. Загадки драматургии Крылова // *Крылов И. А.* Полн. собр. драматических сочинений. СПб.: Гиперион, 2001. С. 3–35.

Коровин В. И. Жизнь и литературная судьба Ивана Крылова. М.: Литфакт, 2024. 672 с.

Кулакова Л. И. Яков Борисович Княжнин: 1742–1791. М.; Л.: Искусство, 1951. 91 с.

Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 2003. С. 309–327.

Майков Л. Н. Историко-литературные очерки: Крылов. Жуковский. Батюшков. Пушкин. Плетнев. Погодин. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1895. 311 с.

Могилянский А. П. «Ольга», трагедия Я. Б. Княжнина // XVIII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. 3. С. 498–504.

Николаев С. И. «Зоил в российских градах» (От Симеона Полоцкого до А. Д. Кантемира) // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 17–27.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб.: Наука, 2004. Сб. 23. С. 3–19.

Стенник Ю. В. Роль комедии в полемике 1750–1760-х годов // XVIII век. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 28–47.

Степанов В. П. К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131–146.

References

Gabel', M. O. "Literaturnoe nasledstvo Ia. B. Kniazhnina" ["Literary Heritage by Ya. B. Knyazhnin"]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 9–10. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1933, pp. 359–368. (In Russ.)

Gordin, M. A., and Ia. A. Gordin. *Teatr Ivana Krylova [Theater of Ivan Krylov]*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)

Gukovskii, G. A. "Zametki o Krylove. Krylov i Kniazhnin" ["Notes About Krylov. Krylov and Knyazhnin"]. *XVIII vek [The 18th Century]*, issue 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1940, pp. 142–165 (In Russ.)

Ivinskii, D. P. "Ivan Andreevich Krylov" ["Ivan Andreevich Krylov"]. Krylov, I. A. *Sobranie sochinenii: v 3 t. [Collected Works: in 3 vols.]*, vol. 1. Moscow, DAR² Publ., 2014, pp. 3–27. (In Russ.)

Kiseleva, L. N. "Zagadki dramaturgii Krylova" ["Riddles of Krylov's Drama"]. Krylov, I. A. *Polnoe sobranie dramaticheskikh sochinenii [Complete Dramatic Works]*. St. Petersburg, Giperion Publ., 2001, pp. 3–35. (In Russ.)

Korovin, V. I. *Zhizn' i literaturnaia sud'ba Ivana Krylova [Life and Literary Destiny of Ivan Krylov]*. Moscow, Litfakt Publ., 2024. 672 p. (In Russ.)

Kulakova, L. I. *Iakov Borisovich Kniazhnin: 1742–1791 [Yakov Borisovich Knyazhnin: 1742–1791]*. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1951. 91 p. (In Russ.)

Lebedeva, O. B. *Istoriia russkoi literatury XVIII veka [History of the 18th-Century Russian Literature]*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2003, pp. 309–327. (In Russ.)

Maikov, L. N. *Istoriko-literaturnye ocherki: Krylov. Zhukovskii. Batiushkov. Pushkin. Pletnev [Historical and Literary Essays: Krylov. Zhukovsky. Batiushkov. Pushkin. Pletnev]*. St. Petersburg, L. F. Pantelev Publ., 1895. 311 p. (In Russ.)

Mogilianskii, A. P. "'Ol'ga, tragediia Ia. B. Kniazhnina" ["'Olga, Tragedy by Ya. B. Knyazhnin"]. *XVIII vek [The 18th Century]*, issue 3. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1958, pp. 498–504. (In Russ.)

Nikolaev, S. I. "'Zoil v rossiiskikh gradekh' (Ot Simeona Polotskogo do A. D. Kantemira)" ["'Zoilus in Russian Cities' (From Simeon Polotskiy to A. D. Kantemir)]. *XVIII vek [The 18th Century]*, issue 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 17–27. (In Russ.)

Nikolaev, S. I. "Original'nost', podrazhanie i plagiat v predstavleniakh russkikh pisatelei XVIII veka (Ocherk problematiki)" ["Originality, Imitation and Plagiarism

in the Ideas of Russian Writers of the 18th Century (Essay on the Issues)"]. *XVIII vek [The 18th Century]*, issue 23. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 3–19. (In Russ.)

Stennik, Iu. V. "Rol' komedii v polemike 1750–1760-kh godov" ["The Role of Comedy in the Polemics of the 1750s and 1760s"]. *XVIII vek [The 18th Century]*, issue 17. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 28–47. (In Russ.)

Stepanov, V. P. "K istorii literaturnykh polemik XVIII v. ('Obed Midasov')" ["On the History of Literary Polemics of the 18th Century ('Midas' Dinner)"]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1976 god [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 1976]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 131–146. (In Russ.)